

Т. А. Богумил

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул

**Мифопоэтика автобиографического цикла В. М. Шукшина
«Из детских лет Ивана Попова»***

Описываются автобиографические признаки цикла «Из детских лет Ивана Попова». Доказывается неправомочность расширения состава цикла, предпринятого в американском издании прозы В. М. Шукшина “Stories from a Siberian Village” (1996). Структура цикла опирается на кумулятивный принцип (повтор в каждом рассказе схемы «редукция компенсации») и циклический (совпадение ситуации и символических деталей первого и последнего рассказов). При этом круг замыкается в спираль становления личности авторизованного героя и расширения мира, в котором он существует. Исследование мифологического подтекста рассказов показало интуитивную опору писателя на архаический ритуал жертвоприношения.

Ключевые слова: В. М. Шукшин, мифопоэтика, автобиографическая проза, «Из детских лет Ивана Попова».

Цикл рассказов В. М. Шукшина «Из детских лет Ивана Попова» (1968) относится к автобиографической прозе о детстве, начало которой положили «Племянник главбуха» (1962) и «Далекие зимние вечера» (1963), а завершили «Дядя Ермолай» (1971) и «Рыжий» (1974) [Коробов, 2009, с. 5–8]. Автобиографическая доминанта цикла прослеживается на разных уровнях: фактологическом (тематическом), композиционном, стилевом, наконец, автопсихологическом. Наиболее очевидный и многократно исследованный – фактологический уровень [Гришаев, 1994; Коробов, 2009]. К примеру, в открывающем цикл рассказе «Первое знакомство с городом» изображен город Бийск, в котором семья будущего писателя проживала в 1940–1941 гг., и переданы взаимоотношения подростка с отчимом П. В. Куксиным. Итог подобного рода наблюдениям подводит Д. В. Марьин:

* Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ (№ 18-412-220004) и Министерства образования и науки Алтайского края (договор Н-26) «Алтай в отечественной литературе XX–XXI вв.: культурно-туристический потенциал».

Богумил Татьяна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы Алтайского государственного педагогического университета (ул. Молодежная, 55, Барнаул, 656031, Россия; tbogumil@mail.ru)

«В цикле описаны события из жизни автора, охватывающие период, начиная с раннего детства и до возвращения из автотехникума (т. е. приблизительно с 1933 по 1947 г.¹). События, лежащие в основе сюжетов рассказов, представлены в хронологической последовательности, при этом достоверность фактов, приводимых Шукшиным (конечно, с учетом их художественного осмысления), не раз подтверждалась родными и близкими писателя» [Марьин, 2015, с. 180].

Автобиографический герой цикла носит имя и фамилию троюродного брата Шукшина (Иван Попов). Под этой же, девичьей, фамилией матери жил сам Василий от ареста отца и до получения паспорта в 1947 г. [Там же, с. 171]. Выбор имени Иван семантически нагружен, поскольку «связывает факты личной жизни писателя с общей трудной судьбой русского народа в годы войны» и «выявляет в характере героя общие черты национального русского характера» [Козлова, 2011, с. 144]. Частная жизнь тем самым обобщается, становится опытом поколения, что является одной из базовых тенденций автобиографической прозы в целом.

Фамилия Попов объединяет будущего автора и персонажа до поры до времени. Отправной точкой нового этапа жизни начинающего писателя стало официальное признание отцовской фамилии: «In choosing his father's name for his passport and for all subsequent documents of his "bureaucratic biography", Shukshin would take the first step toward legitimizing his own past, asserting his true identity, and, to a certain extent, vindicating his father's memory» [Givens, 1993, p. 36]. В двух произведениях, не законченных и не напечатанных при жизни Шукшина, но отнесенных Дж. Гивенсом к указанному циклу, упоминается о репрессированном отце. В журнальной публикации рассказа «Первое знакомство с городом» (Новый мир, 1968, № 11) В. М. Шукшин также упомянул о репрессиях: «...тятя наш ушел "по линии ГПУ", и его, слышно было, ликвидировали» (цит. по: [Козлова, 2011, с. 143–144]). Однако в последующей публикации в сборнике «Земляки» (1970) это упоминание отсутствует. Болезненная для Шукшина тема, казалось бы, объединяет цикл с позднейшими рассказами. В то же время перемещение информации в подтекст, напротив, может быть прочитано как обособление цикла, уменьшение его исторической конкретики в пользу сиротства как такового.

Одним из аргументов Дж. Гивенса в пользу дополнения канонического состава цикла рассказом «Письмо» является расшифровка имени его персонажа Ивана П. как Иван Попов [Марьин, 2015, с. 143]. Важно, однако, что в рассказе «Письмо» я-рассказчик начинает дистанцироваться от Ивана П., делая его предметом высказывания в своем тексте. В «<Солнечных кольцах>» происходит, с одной стороны, окончательный разрыв с «псевдонимом», а с другой – уподобление персонажа автору, поскольку автобиографический герой назван подлинным именем писателя (Васятка). Субъектные отличия можно представить формульно: в цикле рассказчик = Иван Попов, в рассказе «<Письмо>» рассказчик ≠ Иван П., в «<Солнечных кольцах>» рассказчик = Василий (Шукшин?). Изначальное совпадение рассказчика и Ивана Попова, последующее размежевание рассказчика и Ивана П. в купе

¹ Д. В. Марьин солидарен с американским литературоведом Дж. Гивенсом, предложившим к пяти рассказам цикла (1968), впервые представленного целиком в составе сборника «Земляки» (1970), добавить два неоконченных и опубликованных посмертно текста с условными названиями «<Солнечные кольца>» и «<Письмо>» [Марьин, 2015, с. 180]. В американском издании цикла, подготовленном Дж. Гивенсом и Л. Майклом, опубликовано семь рассказов [Shukshin, 1996, p. 209–239]. В этой версии цикл начинается рассказ «<Солнечные кольца>» под названием «Siberian Pies» («Сибирские пироги»), где авторизованный персонаж вспоминает, как после ареста отца в 1933 г. их семью пытались выселить из дома. Закрывает цикл рассказ «<Письмо>». В канонической версии цикла повествование начинается не с раннего детства (на момент ареста отца Шукшину было 3 года и 8 месяцев), а с младшего подросткового возраста – с 1940 г.

с дальнейшим отождествлением рассказчика с автором не позволяет нам согласиться с расширением корпуса текстов цикла, осуществленным американским ученым.

Создание автобиографических текстов для их автора связано с неким важным жизненным поворотом [Starobinski, 1980, p. 78; Egan, 1999, p. 5; Stephenson, 2010, p. 51]. Подмечено, что не только документальные, но и литературные автобиографии написаны Шукшиным «в кризисные периоды, периоды изменения статуса в социальной жизни и карьере» [Марьин, 2015, с. 182]. Для персонажей художественных произведений В. М. Шукшина вымышленная автобиография выступает как способ «сверхкомпенсации», избывания социального конфликта путем погружения в фантазийный мир [Куляпин, 2012, с. 105]. Совершенно справедливо, учитывая автопсихологичность многих персонажей писателя, ожидать использования подобного приема в поведенческой модели самого Василия Шукшина [Марьин, 2015, с. 183].

Цикл «Из детских лет Ивана Попова» был впервые напечатан в сокращенном виде (без рассказов «Бык» и «Самолет») на страницах журнала «Новый мир» (1968, № 11). Рассказы цикла органично вписывались в эстетическую политику журнала, «стилизу[я] бесхитростные, правдивые мемуарные очерки» [Куляпин, 2012, с. 42]. По контрасту с этими рассказами, рядом был опубликован рассказ «Миль пардон, мадам!», главная тема которого – лжемемуары, «свободная фантазия на литературные темы» [Там же]. Соседство столь полярных стратегий текстопостроения, несомненно, позволяет считать их не взаимоисключающими, но взаимодополнительными и свидетельствует о начавшемся изменении художественного метода писателя. Известно, что в конце 1960-х гг. в творчестве Шукшина зреет эстетический скачок, связанный с усилением условности, символизма, нарастанием «нереалистических тенденций» [Там же, с. 40].

К тому же впечатление невыдуманности цикла «Из детских лет Ивана Попова» обманчиво. Повествователем подчеркивается противопоставление сноподобной действительности и слова о ней: «Можно бы сейчас написать, что в эту ночь мне снились большие дома, самолет, лампочка... Можно бы написать, но не помню, снились ли. Может, снились» [Шукшин, 2014, с. 153]. Авторские интенции обнаруживаются, например, в кольцевой композиции цикла. Писатель отбирает материал и упорядочивает его согласно законам мемуаристики и собственной концепции человека в мире: «Цикл начинается рассказом о первом недолгом расставании с родиной и заканчивается прощанием с ней навсегда. <...> порядок рассказов воссоздает хронику жизни героя “переходного возраста”, этапы его взросления: раннее детство, школьные годы, первые “взрослые” труды 13-летнего подростка в колхозе, выход “в люди” – поступление в городской техникум» [Козлова, 2011, с. 145]. Все пять рассказов объединяет общая система мотивов: воспоминания (оппозиция «тогда – теперь»), фрагментарность, ассоциативность повествования), дороги-пути (оппозиция «город – деревня»), дороги-жизни (познание мира и самопознание), воспитания и образования (оппозиция «реальность – литература»), праздника (оппозиция «трагедия – комедия») [Калашникова, 2007].

Фрагментарность повествования в цикле во многом связана с исповедальной установкой автобиографических жанров [Гинзбург, 1999]. «Из детских лет» память выхватывает греховные поступки и помыслы подростка (нелюбовь к отчиму, кража, ложь, вражда, месть и т. д.). Процесс рассказывания становится своего рода избыванием вины, покаянием [Козлова, 2011, с. 145].

На композиционно-стилевом уровне автобиографизм проявляется через соположение временных пластов: тогда и теперь [Николина, 2002, с. 273]. Типичное для автобиографической прозы расподобление Я на двух субъектов (подростка и взрослого) [Волкова, 2007, с. 14] задается в первых строчках рассказа: «Я не-

влюбил отчима...» и «теперь знаю: это был человек редкого сердца – добрый, любящий...» [Шукшин, 2014, с. 149]. Взгляд из современности («теперь») предвзвещает искупительную скорбную ноту в финале: «Папку взяли на войну. В 1942 году его убили» [Там же, с. 154]. В этом рассказе, как видно из приведенных цитат, начальная «беда» связана с разладом между отчимом и пасынком. Столь же остроконфликтная ситуация является завязкой сюжета в рассказе «Бык». Парадоксально на первый взгляд, но отчим и бык выполняют тождественные функции в повторяющейся последовательности мотивов. Милосердие, проявленное отчимом (эпизод с курением назло) и быком («пожалел он меня тогда» [Там же, с. 167]), финальная смерть и отчима, и быка, радикальная переоценка подростком ранее ненавидимых субъектов – все это позволяет уподобить человека и животного, увидеть в них взаимозаменяемых действующих лиц в устойчивой сюжетной схеме.

Двойничество быка и отчима уместно дополнить фигурой отца Шукшина. Косвенно на возможность такого отождествления указывает упоминание отца в начале рассказа «Первое знакомство с городом». Отношение к отцу у Шукшина было неоднозначным и претерпело значительную метаморфозу. Вплоть до разоблачения культа личности Сталина на XX съезде Шукшин испытывал смешанное чувство любви-ненависти к «врагу народа». После 1956 г. писатель остро и болезненно ощущал свою вину за отступничество от незаконно репрессированного отца [Варламов, 2015]. Тем самым в анализируемых рассказах реализуется парадигма, общая и для жизни Шукшина, и для автобиографического повествования: отторжение → приятие.

Рассказ «Жатва» построен по аналогичной модели, которая к тому же дважды повторяется в самом рассказе. В первом ходе начальная «беда» (мертвящая жара, «смертельно спать хочется» [Шукшин, 2014, с. 162]) сменяется «благом» (долгожданный сон). Второй ход: опасность, исходящая от председателя колхоза Ивана Алексеевича («накачка» мальчишек за безобразное поведение), нейтрализуется карнавальным смехом. Отношение к председателю, как и отношение к отчиму, различно «тогда» и «теперь»: «Мы его несколько не боялись, нашего председателя, <...> вовсю ругались по-мужичьи, и с председателем – тоже. С нами было нелегко. Как я теперь понимаю, это был человек добродушный, большого терпения и совестливости» [Там же, с. 163]. Поворот точки зрения подростка совершается в финальном жалеющем взгляде: «Протез его отстегнут, лежит рядом... Худая култышка как-то неестественно белеет на траве. Иван Алексеевич часто склоняется и дует на нее – видно, до боли натрудил за день, теперь она, горячая, отдыхает» [Там же, с. 166]. Сочувствие страданию человека сливается с ощущением гармоничного единства со вселенной: «А вокруг тепло и ясно; кто-то высоко-высоко золотыми гвоздями пришил к небу голубое полотно, и сквозь него сквозит, льется нескончаемым потоком чистый, голубовато-белый, легкий свет» [Там же]. Боль и (со)страдание восстанавливают благостные отношения между человеком и природой, нарушенные жарой в начале рассказа.

Отмеченные совпадения функций персонажей в тождественных структурных схемах, лежащих в основе анализируемых текстов, могут быть декодированы посредством мифопоэтического подхода (см. обзор в: [Козубовская, 2016, с. 5–11]). На автобиографическом уровне ситуации прочитываются через призму социально-исторических, психологических, бытовых мотивировок, требуют выявления экзистенциальной проблематики, нравственной оценки поступка персонажей. Мифопоэтический же подход, во-первых, предполагает выявление глубинных архетипических схем, возникающих в текстах зачастую исподволь, бессознательно и восходящих к древнейшим мифоритуальным практикам всего человечества [Аверинцев, 1987; Доманский, 2001; Мелетинский, 2001], и, во-вторых, обнаружение индивидуально-авторского использования традиционных мифологических

смыслов и структур, исследование неомифологических текстов [Осипова, 2000, с. 51].

В мифопоэтическом ракурсе отец / отчим / председатель / бык, на наш взгляд, вписываются в архаичный сюжет жертвоприношения. Так, председатель выступает в функции заместительной «жертвы». В первом ходе рассказа страхи подростка связаны с опасностью уснуть во время работы и попасть под жатку. Вместо него годами ранее пострадал от механизма (молотилки) председатель. Мифологическое время, как известно, циклично [Элиаде, 1998], поэтому здесь несущественна хронологическая последовательность событий. Председатель пострадал физически. Подросток – символически, посредством сопереживания. Результатом «жертвоприношения» стало катарсическое переживание высшей гармонии мира.

Именно жертвенная функция председателя позволяет поставить его в один ряд с ранее отмеченными персонажами-двойниками². Все эти персонажи наделены властью карать и миловать. Тем самым они как бы приобретают статус единого бога-царя-жреца, что было характерно для тотемического мирозерцания [Фрейд-денберг, 1997, с. 71]. Сюжет каждого рассказа, вырастает из расподобления архаичного тождества бога-жреца-жертвы, разделения выполняемых ими функций, что, в принципе, сопровождает процесс рождения повествования из мифологического синкретизма [Там же, с. 116, 122, 151]. Процесс рассказывания в цикле, как уже было отмечено, связан с искуплением детской вины. Здесь актуализируются восходящие к глубокой древности аналогии: текст (то, что рассказывается) уподоблен жертвенному животному; повествующий субъект сравним с автором, который, в свою очередь, тождественен богу-жрецу-жертве [Фрейд-денберг, 1978, с. 211; Бройтман, 2004, с. 25].

Божественно-жертвенная функция быка проявлена в древнем обычае умерщвления животного как воплощения бога растительности и подземного мира (Диониса, Осириса, пр.) с целью влияния на плодородие [Фрэнгер, 1986, с. 365–367]. «Хлебный дух» в земледельческих культурах часто предстал в образе быка, вола, коровы, козла [Там же, с. 427–430]. В этом контексте ритуальную окраску празднования урожая приобретает убийство быка «по давней традиции» после окончания уборки табака с плантации в финале рассказа «Бык» [Шукшин, 2014, с. 167]. В рассказе «Жатва» становится понятной менее очевидная мифологическая подоплека ожидаемой гибели и случившейся травмы от жатки / молотилки, т. е. орудия сбора и обработки колоса. Ножной *деревянный* протез председателя может быть интерпретирован в русле толкования К. Леви-Строссом «затруднения в пользовании конечностями» как реликта архаических представлений о происхождении человека из земли [Леви-Стросс, 2001, с. 224–225]. Иначе говоря, символически председатель есть человек-растение. Наконец, ретроспективно в рассказе «Первое знакомство с городом» проявляется восходящая к древности метафорика войны как сбора урожая, где отчим уподоблен растительной жертве.

² Типологически близким рассказу «Жатва» является рассказ «Дядя Ермолай». Совпадает канва сюжета, характеристика председателя и бригадира, финальная переоценка их рассказчиком и подключение к вечности (природа, род). Существенным является тот факт, что прототипом бригадира был Ермолай Григорьевич Емельянов, дядя Шукшина [Он похож на свою родину..., 1989, с. 53]. Дядя, пусть и не по крови (муж тети Шукшина), встраивается в систему семейно-родственных отношений и является проекцией отца. В мире Шукшина «поименованные» председатели колхоза (Матвей Рязанцев, Ермолай Прохоров, Иван Алексеич и др.) несут «архетипическую семантику отцовства», их авторитет «обусловлен крестьянскими представлениями о колхозе как общинно-родовом укладе, который предписывал подчинение общему “отцу”» [Сваровская, 2009, с. 231].

Насильственная смерть отца преобразует традиционное тождество «жатва – война» в авторскую мифологему «жатва – война – репрессии»³.

В свете сказанного не удивительно, что рассказ «Гоголь и Райка» строится по инвариантной для цикла схеме: начальная «беда» посредством заместительной жертвы сменяется если не окончательным избытанием проблем, то перспективой блага. Военным зимним голоду и холоду в финале рассказа приходит на смену весна, ощущаемая как «праздник». Смерть коровы Райки преодолевается рождением телочки с тем же именем, созвучным с раем. Налицо характерная для мифа циклическая смена «старого» мира «новым» [Фрэзер, 1986].

Исследователями уже отмечался заданный заглавием контраст двух коллизий рассказа: «человек в природном мире и человек в культуре» [Рыбальченко, 2011, с. 115]; фантастические книжные ужасы сопоставлены с гораздо более жестокой реальностью [Козлова, 2011, с. 144]. На уровне природного мира сочувственная взаимопомощь детей и животных преодолевает безжалостность зимней природы, но сталкивается с вынужденной бесчеловечностью социума. Корова в художественном мире Шукшина «откровенно сближается с матерью»⁴, «образ коровы (как и образ матери) устойчиво ассоциируется <...> с темой любви (нежности)» и вины из-за невозможности ее защитить [Куляпин, 2005]. При всем том, что смерть коровы воспринимается как настоящая трагедия, следует учитывать архетипический подтекст рассказа, в котором животное выступает как «заместительная жертва». Смертельная рана корове была нанесена вилами (вновь сельскохозяйственное орудие) в момент предположительной «кражи» чужого сена⁵. Точно такое же действие ранее осуществила мать подростка, присвоив навильник сена: «Давечь никого в переулке-то не было, я и сбросила с воза. Чего им, колхозным-то? Им-то до весны с лишком хватит...» [Шукшин, 2014, с. 160]. Кража колхозного имущества в военное время могла иметь самые серьезные последствия. И вновь ситуация на автобиографическом уровне прочитывается как социально и психологически мотивированная и оправданная, а на уровне архаических структур – как нуждающаяся в завершении сюжетного хода. Зимой похищение сена обошлось без наказания и спасло корову. Весной, при повторе мотива, последовала кара, которая ранее миновала мать. Корова как бы приняла на себя наказание. Тем самым здесь животное-жертва вновь функционально отождествляется с человеком, подменяет его в идентичном «архетипическом мотиве» (термин Е. М. Мелетинского). Мотив воровства пропитания (сена – для тела, книг – для души) устанавливает отношения эквивалентности между разными действующими лицами: корова-жертва = мать-божество = сын-рассказчик-жрец.

Заключительный рассказ цикла, «Самолет», вновь начинается с неблагоприятного состояния мира: «Городские ребята не любили нас, деревенских, смеялись над нами, презирали» [Шукшин, 2014, с. 168]. Исследователи подчеркивают закрепление в психике авторизованного рассказчика детского «травматического комплекса», обусловившего противостояние города и деревни в творчестве Шукшина [Козлова, 2011, с. 144]. Между тем мотивы и элементы бытовой сценки (шествие двух групп лиц, их перебранка и драка; наличие сундука с предполагаемой

³ Известно, что отец В. М. Шукшина до ареста работал на колхозной *молотилке*. Существенным пунктом обвинения было контрреволюционное «вредительство», в частности «гонка» колоса в мякину [Гришаев, 1994, с. 27]. Этот факт, на наш взгляд, подкрепляет двойничество отца и председателя колхоза.

⁴ Отметим «человеческое» имя коровы, а также универсальность для индоевропейской культуры параллелизма коровы и матери, что отражено, к примеру, в сказке «Крошечка-Хаврошечка».

⁵ Ср. с тем, как тождество растения-животного-бога в древнем обряде буфонии развертывается в сюжет о поедающем растении быке, который за это «убийство» карается смертью [Фрейденберг, 1997, с. 89–90].

едой) генетически связаны с ритуальной космогонической инвективой [Фрейденберг, 1997, с. 99, 164–165]. В предыдущих рассказах символической жертвой выступали заместители рассказчика, здесь – он сам с друзьями. И это не случайно: древняя инвектива «обращается на самого бога или протагониста, разыгрывающего его судьбу» [Там же, с. 102]. «Детская травма» несет инициационный характер и потому преодолевается. Происходит нравственное перерождение героя, победа нового и будущего (мечта) над старым и прошлым (мечь). Символическими деталями, знаменующими этот переход, является смена одного «ящика»⁶ другим: сундук как вместилище материального начала, впрочем, лишь мнимо присутствующего, и повод для издевки («Сальса шматок да мядку туясок») вытесняется стремлением к самолету как воплощению небесного, идеального начала. Показное безразличие к самолету, навязанное городскими ребятами, казалось бы «уводит от идеала» [Калашникова, 2007, с. 116], однако для души рассказчика важно, что самолет «снился потом». Свершившийся поворот зафиксирован нейтрализацией оппозиции «тогда – теперь»: «И теперь он стоит у меня в глазах – большой, легкий, красивый... Двукрылый красавец из далекой-далекой сказки» [Шукшин, 2014, с. 169]. Игрушечный самолетик из первого рассказа, может быть, снился: «не помню» [Там же, с. 153]. А настоящий самолет – снился.

При всей справедливости указания на кольцевую композицию цикла «Из детских лет Ивана Попова», знаком чего являются повторяющиеся образы самолетов [Калашникова, 2007, с. 116], нельзя не отметить существенные изменения, произошедшие с личностью героя. В начальном рассказе игрушечный самолет означает городские блага и способствует разобщению брата и сестры [Шукшин, 2014, с. 152]. В финальном – самолет увеличивается в размерах, становится настоящим, но выполняет не прагматическую, а символическую функцию: отрыва от мира бытового в мир мечты, сна, вымысла – литературы. Это новый вектор пути: не из деревни в город и обратно, как в первом рассказе, а из деревни в город и дальше, в иные пространства, навсегда.

Таким образом, глубинная структура каждого рассказа и всего цикла строится по инвариантной схеме: начальная «беда», «недостача», конфликт к финалу устраняются посредством искупительной жертвы. Мифопоэтический пласт сопрягается с экзистенциальным в личности повествователя. Сопереживание ребенка страданию «козла отпущения», претерпевающему смерть, болезнь, ущерб иного рода, пробуждает в иницируемом подростке зрелое чувство жалости и любви к человеку и животному, чувство ответственности и сопричастности миру. Композиция цикла основана на соединении возникших в эпоху синкретизма кумулятивного и циклического сюжетов с позднейшим сюжетом становления⁷.

⁶ Мифологическая функция ящика – быть местопребыванием солнца, преисподней, рождающим чревом, способом переправы. Данную символику наследует корабль [Фрейденберг, 1997, с. 183]. Логическим следствием отмеченной преемственности, на наш взгляд, является наделение подобным смыслом и «воздушного корабля» – самолета. Уместность подобной аналогии подтверждается названием сказки Г. Х. Андерсена «Сундук-самолет».

⁷ Впрочем, превращение циклической схемы в спираль становления может прочитываться не как эволюционное движение. В процессе обсуждения настоящей статьи А. И. Куляпин высказал мнение, что это «свертывающаяся спираль, символизирующая деградацию человека и мира. В “теперь” сплошные потери: забыл имя учительницы (а раньше, конечно, помнил), нет уже радости (а раньше была), поражают бестолковщиной стихи дяди (а раньше вызывали уважение) и т. д. Утрат гораздо больше, чем приобретений. Жертвоприношение в архаической культуре – это как раз средство против “старения” мира, мир расчлняется и собирается заново – обновленным. Такова (упрощенно, конечно) цель ритуала. У Шукшина ритуал тот же (особенно в случае с быком), но действенность его сомнительна» (электронное письмо от 23.06.2018). Многовариантность трактовки отмеченной динамики вписывается в шукшинскую концепцию мироустройства: «Автор понимает

Отмеченные особенности структуры не характерны для рассказов ««Письмо»» и ««Солнечные кольца»». Кольцевая схема построения канонического цикла видится законченной и самодостаточной. Все это вкупе с отмеченными выше несовпадениями субъектов повествования является существенными аргументами против включения этих рассказов в состав цикла.

Привычная социально-политическая и психологическая интерпретация прозы Шукшина в последние годы стала сменяться иной исследовательской парадигмой, на необходимость которой давно указала Д. О. Немец-Игнашева [Nemec Ignashev, 1988]. Мифопоэтический подход к произведениям В. М. Шукшина тем более оправдан, что для творческой эволюции писателя характерно усиление мифологизма [Куляпин, 2014, с. 127]. Несмотря на кажущуюся безыскусность и бытовое наполнение рассказов, поиск их структурообразующего принципа привел к мифопоэтическому толкованию цикла «Из детских лет Ивана Попова». Индивидуально-авторское использование традиционных схем связано с их психологическим и нравственным наполнением.

Список литературы

- Аверинцев С. С.* Архетипы // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. М.: Сов. энциклопедия, 1987. Т. 1. С. 110–111.
- Бройтман С. Н.* Историческая поэтика // Теория литературы: В 2 т. / Под ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Академия, 2004. Т. 2. 368 с.
- Варламов А. Н.* Шукшин. М.: Молодая гвардия, 2015. 399 с.
- Волкова Н. А.* Текстовая модальность в аспекте учения о первичности – вторичности текста (на материале цикла рассказов В. М. Шукшина «Из детских лет Ивана Попова»): Автореф. ... канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 2007. 19 с.
- Гинзбург Л. Я.* О психологической прозе. М.: INTRADA, 1999. 416 с.
- Гришаев В. Ф.* Шукшин. Сростки. Пикет. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1994. 152 с.
- Доманский Ю. В.* Смыслообразующая роль архетипических значений в литературном тексте. Тверь: Изд-во ТвГУ, 2001. 100 с.
- Калашиникова Т. А.* Из детских лет Ивана Попова // Творчество В. М. Шукшина: энциклопедический словарь-справочник: В 3 т. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. Т. 3. С. 113–116.
- Ковтун Н. В.* Русская традиционалистская проза XX–XXI веков: генезис, поэтика, контексты. М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. 600 с.
- Козлова С. М.* «Из детских лет Ивана Попова» // Шукшинская энциклопедия. Барнаул: Изд-во «Барнаул», 2011. С. 143–146.
- Козубовская Г. П.* Мифопоэтика русской литературы: жанр и мотив. Барнаул: Изд-во АлтГПУ, 2016. 267 с.
- Коробов В. И.* Василий Шукшин: Вещее слово. М.: Молодая гвардия, 2009. 420 с.
- Куляпин А. И.* Корова // Творчество В. М. Шукшина: энциклопедический словарь-справочник: В 3 т. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2005. Т. 2. С. 100–101.
- Куляпин А. И.* Творческая эволюция В. М. Шукшина. Ишим: Изд-во ИГПИ им. П. П. Ершова, 2012. 204 с.
- Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 512 с.
- Марьин Д. В.* Несобственно-художественное творчество В. М. Шукшина. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2015. 389 с.

бытие как процесс, вечное движение форм, диктующее взаимобратимость явлений, взаимопроницаемость пространств, соединение полярностей» [Ковтун, 2017, с. 439].

Мелетинский Е. М. О происхождении литературно-мифологических сюжетных архетипов // Литературные архетипы и универсалии. М.: Изд-во РГГУ, 2001. С. 73–150.

Николина Н. А. Поэтика русской автобиографической прозы. М.: Наука, 2002. 424 с.

Он походил на свою родину: земляки о Шукшине. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. 248 с.

Осипова Н. О. Мифопоэтика как сфера поэтики и метод исследования // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7. Литературоведение. 2000. № 3. С. 46–52.

Рыбальченко Т. Л. Тема войны в рассказах В. Шукшина // Шукшинский вестник. Барнаул: Азбука, 2011. С. 99–117.

Сваровская А. С. Тип колхозного председателя в прозе В. М. Шукшина // Творчество В. М. Шукшина в межнациональном культурном пространстве. Барнаул: Азбука, 2009. С. 230–234.

Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М.: Вост. лит., 1978. 608 с.

Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.

Фрэзер Д. Д. Золотая ветвь. М.: Политиздат, 1986. 703 с.

Шукишин В. М. Собр. соч.: В 9 т. Барнаул: Изд-во «Барнаул», 2014. Т. 3. 376 с.

Элиаде М. Миф о вечном возвращении: архетипы и повторяемость. СПб.: Алетейя, 1998. 249 с.

Egan S. Mirror Talk: Genres of Crisis in Contemporary Autobiography. Chapel Hill: UNC Press Books, 1999. 275 p.

Givens J. Provincial polemics: Folk discourse in the life and novels of Vasilij Shukshin. Michigan: Ann Arbor, 1993. 389 p.

Nemec Ignashev D. The Art of Vasilij Shukshin: Volya through Song // Slavic and East European Journal. 1988. Vol. 32, no. 3. P. 415–427.

Shukshin V. Stories from a Siberian Village. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1996. 256 p.

Starobinski J. “The Style of Autobiography” / Ed. by J. Olney // Autobiography: Essays Theoretical and Critical. Princeton: Princeton UP, 1980. P. 73–83.

Stephenson J. Portrait of the Artist as Artist: The Celebration of Autobiography // Canadian Theatre Review. January 2010. Iss. 141. P. 49–53.

T. A. Bogumil

*Altai State Pedagogical University
Barnaul, Russian Federation, tbogumil@mail.ru*

**Mythopoetics of Shukshin’s autobiographic cycle
“From the childhood years of Ivan Popov”**

The paper describes the autobiographical features of the cycle “From the childhood years of Ivan Popov.” The autobiographical dominant can be traced at different levels: factual (thematic), compositional, stylistic, autopsychological. It is proved that the extension of the cycle in the American edition of V. M. Shukshin’s prose (“Stories from a Siberian Village,” 1996) is illegitimate because the subjects of speaking and the structure of the stories “Letter” and “Solar rings” are different from the stories of the cycle. The study of the mythological subtext of the stories shows the writer’s intuitive support for the archaic sacrificial ritual. The process of storytelling in the cycle is associated with the atonement of childish guilt (dislike for the stepfather, theft, lying, enmity, revenge, etc.). The deep structure of each story and the whole cycle is built on an invariant scheme: the initial “trouble,” “shortage,” conflict to the final is eliminated through the ransom sacrifice. The father, stepfather, one-legged chairman, bull, cow act as a substitute for sacrifice.

They all embody the semantics of plant-animal-god. A child's empathy for the "scapegoat" suffering death, disease, damage of another kind, awakens in the initiated adolescent a mature sense of pity and love for man and animal, a sense of responsibility and participation in the world. In the final story of the cycle, the symbolic victim is the narrator himself. Moral degeneration of the hero takes place, the victory of the new and the future over the old and the past. The circular scheme opens up into a spiral of the emergence of the personality of the authorized hero and the expansion of the world in which he exists.

Keywords: V. M. Shukshin, mythopoetics, autobiographical prose, "From the childhood years of Ivan Popov".

DOI 10.17223/18137083/71/10

References

- Averintsev S. S. Arkhetipy [Archetypes]. In: *Mify narodov mira: entsiklopediya: V 2 t.* [Myths of the peoples of the world: encyclopedia: in 2 vols]. Moscow, Sov. entsikl., 1987, vol. 1, pp. 110–111.
- Broytman S. N. Istoricheskaya poetika [Historical poetics]. In: *Teoriya literatury: V 2 t.* [Theory of literature: in 2 vols]. N. D. Tamarchenko (Ed.). Moscow, Akademiya, 2004, vol. 2, 368 p.
- Ginzburg L. Ya. *O psikhologicheskoy proze* [About psychological prose]. Moscow, INTRADA, 1999, 416 p.
- Grishayev V. F. *Shukshin. Srostitki. Piket* [Shukshin. Srostitki. Piket]. Barnaul, Alt. kn. izd., 1994, 152 p.
- Domanskiy Yu. V. *Smysloobrazuyushchaya rol' arkhetyipicheskikh znacheniy v literaturnom tekste* [Meaning-forming role of archetypical values in the literary text]. Tver, TvSU Publ., 2001, 100 p.
- Eliade M. *Mif o vechnom vozvrashchenii: arkhetyipy i povtoryayemost'* [The myth of eternal return: archetypes and repeatability]. St. Petersburg, Aleteyya, 1998, 249 p.
- Egan S. *Mirror Talk: Genres of Crisis in Contemporary Autobiography*. Chapel Hill, UNC Press Books, 1999, 275 p.
- Frazer J. G. *Zolotaya vetv'* [The golden bough]. Moscow, Politizdat, 1986, 703 p.
- Freydenberg O. M. *Mif i literatura drevnosti* [Myth and Antiquity]. Moscow, Vost. lit., 1978, 608 p.
- Freydenberg O. M. *Poetika syuzheta i zhanra* [Poetics of the plot and genre]. Moscow, Labirint, 1997, 448 p.
- Givens J. *Provincial polemics: Folk discourse in the life and novels of Vasili Shukshin*. Michigan, Ann Arbor, 1993, 389 p.
- Kalashnikova T. A. "Iz detskikh let Ivana Popova" ["From the childhood years of Ivan Popov"]. In: *Tvorchestvo V. M. Shukshina: entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik: V 3 t.* [Creativity of Shushin: encyclopedic dictionary-reference: in 3 vols]. Barnaul, AltSU Publ., 2007, vol. 3, pp. 113–116.
- Kovtun N. V. *Russkaya traditsionalistskaya proza 20–21 vekov: genesis, poetika, konteksty* [Russian traditionalist prose of the 20th – 21st centuries: genesis, poetics, contexts]. Moscow, FLINTA, Nauka, 2017, 600 p.
- Korobov V. I. *Vasiliy Shukshin: Veshcheye slovo* [Vasilii Shukshin: an eternal word]. Moscow, Molodaya gvardiya, 2009, 420 p.
- Kozlova S. M. "Iz detskikh let Ivana Popova" ["From the childhood years of Ivan Popov"]. In: *Shukshinskaya entsiklopediya* [Encyclopedia of Shukshin]. Barnaul, "Barnaul" Publ., 2011, pp. 143–146.
- Kozubovskaya G. P. *Mifopoetika russkoy literatury: zhanr i motiv* [Mythopoetics of Russian Literature: Genre and Motif]. Barnaul, AltSU Publ., 2016, 267 p.
- Kulyapin A. I. Korova [Cow]. In: *Tvorchestvo V. M. Shukshina: entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik: V 3 t.* [Creativity of Shushin: encyclopedic dictionary-reference: in 3 vols]. Barnaul, AltSU Publ., 2006, Vol. 2 pp. 100–101.
- Kulyapin A. I. *Tvorcheskaya evolyutsiya V. M. Shukshina* [Creative evolution of V. M. Shukshin]. Ishim, P. P. Ershov's ISPI Publ., 2012, 204 p.
- Levi-Stross K. *Strukturnaya antropologiya* [Structural anthropology]. Moscow, Eksmo-Press, 2001, 512 p.

- Mar'in D. V. *Nesobstvenno-khudozhestvennoye tvorchestvo V. M. Shukshina* [Nonfiction creative works of V. M. Shukshin]. Barnaul, AltSU Publ., 2015, 389 p.
- Meletinskiy E. M. O proiskhozhdenii literaturno-mifologicheskikh syuzhetnykh arkhetyпов [About the origin of literary-mythological plot archetypes]. In: *Literaturnye arkhetypy i universalii* [Literary archetypes and universals]. Moscow, RSUH Publ., 2001, pp. 73–150.
- Nemec Ignashev D. The Art of Vasilij Shukshin: Volya through Song. In: *Slavic and East European Journal*, 1988, vol. 32, no. 3, pp. 415–427.
- Nikolina N. A. *Poetika russkoy avtobiograficheskoy prozy* [Poetics of Russian autobiographical prose]. Moscow, Nauka, 2002, 424 p.
- On pokhodil na svoyu rodinu: zemlyaki o Shukshine* [He was like his homeland: countrymen about Shukshin]. Barnaul, Alt. kn. izd., 1989, 248 p.
- Osipova N. O. Mifopoetika kak sfera poetiki i metod issledovaniya [Mythopoetics as a sphere of poetics and a method of research]. *Social and Human Sciences. Domestic and foreign literature. Series 7. Literature*. 2000, no. 3, pp. 51–52.
- Rybal'chenko T. L. Tema voyny v rasskazakh V. Shukshina [The theme of the war in the stories of V. Shukshin]. In: *Shukshinskiy vestnik* [Shukshin herald]. Barnaul, Azbuka, 2011, pp. 99–117.
- Svarovskaya A. S. Tip kolkhoznogo predsedatelya v proze V. M. Shukshina [The type of the collective farm chairman in V. M. Shukshin's prose]. In: *Tvorchestvo V. M. Shukshina v mezhnatsional'nom kul'turnom prostranstve* [V. Shukshin's creativity in the interethnic cultural space]. Barnaul, Azbuka, 2009, pp. 230–234.
- Shukshin V. M. *Sobraniye sochineniy: V 9 t.* [Collected Works: in 9 vols]. Barnaul, "Barnaul" Publ., 2014, vol. 3, 376 p.
- Shukshin V. *Stories from a Siberian Village*. DeKalb, Northern Illinois University Press, 1996, 256 p.
- Starobinski J. "The Style of Autobiography". In: Olney J. (Ed.) *Autobiography: Essays Theoretical and Critical*. Princeton, Princeton UP, 1980, pp. 73–83.
- Stephenson J. Portrait of the Artist as Artist: The Celebration of Autobiography. *Canadian Theatre Review*, 2010, January, iss. 141, pp. 49–53.
- Varlamov A. N. *Shukshin*. Moscow, Molodaya gvardiya, 2015. 399 s.
- Volkova N. A. *Tekstovaya modal'nost' v aspekte ucheniya o pervichnosti – vtorichnosti teksta (na materiale tsikla rasskazov V. M. Shukshina "Iz detskikh let Ivana Popova")* [Textual modality in the aspect of the doctrine of primary – secondary text (on the material of the cycle of short stories by V. M. Shukshin "From the Childhood years of Ivan Popov")]. Abstract of Cand. philol. sci. diss. Gorno-Altaysk, 2007, 19 p.